

Глава 4

Впервые в жизни кто-то осмелился так нагло насмеяться над ним.

Цзи И от ярости лишь коротко хохотнул:

— Похоже, усадьба маркиза Чжэньюань получила свой титул исключительно благодаря толстокожести! Бесстыдству вашему нет предела. Ты — мой ровесник, а смеешь зариться на моего отца? Тьфу! Несбыточные мечты!

Чу Чжаохуай очень хотел кивнуть в знак согласия, но, опасаясь разоблачения, был вынужден безмолвно сносить ругань о своих «несбыточных мечтах».

Закончив тираду, Цзи И замер в ожидании.

Он ждал минуту, другую.

Прошло немало времени, но «Чу Чжаоцзян» так и не ответил. На его лице, густо замазанном белилами и румянами, даже проступило некое подобие кротости.

Кротость?

Этот цепной пёс, который готов вцепиться в глотку любому встречному, вдруг стал кротким?

Шицзы невольно вздрогнул, и в его душе закрались сомнения.

— Что ты ещё задумал, гадёныш? — прищурился он. — Предупреждаю: о твоих бесчинствах в столице знает каждая собака. Отец видит тебя насквозь, так что не надейся обмануть его этим жалким видом. Если сейчас же не рухнешь на колени и не станешь молить о пощаде, я, быть может, и спасу твою никчёмную шкуру, а иначе — жди смерти.

Чу Чжаохуай погрузился в раздумья.

С самого детства госпожа Чжэн учила Чу Чжаоцзяна видеть в брате заклятого врага. Мальчишка рано наловчился строить из себя жертву и подстраивать пакости, чем и добился того, что Чу Цзин с лёгким сердцем отправил Чжаохуая в Линьянь.

Вернувшись в столицу, юноша видел брата лишь однажды: тот с высокомерным видом избивал слуг. Тот и впрямь был невыносимо заносчив.

Он не знал, как Чу Чжаоцзян ведёт себя с остальными, но, раз уж этот маленький шицзы

явился с открытым вызовом, молчание могло привести к разоблачению.

— Вот как? — отозвался Чу Чжаохуай. — Люди болтают, будто Цзин-ван жесток и кровожаден, и я-то думал, что это лишь пустые слухи. Неужели и сам шицзы считает собственного отца убийцей, готовым лишить жизни невинного человека?

— Что за чушь ты несёшь?! — вспыхнул Цзи И.

— Я не преступал закон и не пытался никого отравить. С чего бы твоему отцу меня убивать? — резонно спросил Чжаохуай.

Цзи И осекся, не зная, что возразить.

Юноша незаметно перевёл дух, радуясь, что ловкая подмена понятий заставила противника замолчать.

Шицзы долго сверлил его взглядом, прежде чем внезапно спросил:

— Что с твоим голосом? И почему твой выговор такой странный... Словно в нём проскальзывает южный акцент?

На этот раз настала очередь Чу Чжаохуая цепенеть.

Он намеренно понизил голос и выдавил как можно грубее:

— Никакого акцента у меня нет, ясно?

Цзи И продолжал пристально наблюдать за ним, словно пытаясь выведать какую-то тайну.

У Чу Чжаохуая сердце ушло в пятки.

Наконец тот отвёл взгляд и фыркнул:

— А я-то думал, ты и впрямь ничего не боишься. Стоило провести в нашей усадьбе один день, как ты превратился в трусливого подонка. Похоже, храбрость маркизов Чжэньюань не стоит и ломаного гроша.

Чу Чжаохуай то замирал от страха, то снова обретал надежду — от этих душевных метаний уже ныло в груди.

Ложь требовала слишком много сил, и сейчас он мечтал лишь об одном: спровадить незваного гостя.

— Как скажешь, шицзы. У тебя есть ещё дела? Мне пора собираться — вместе с твоим отцом мы должны отправиться во дворец, чтобы возблагодарить императора.

— Ага, попался! — Цзи И злорадно усмехнулся. — Сегодня на рассвете, едва открылись дворцовые ворота, от императора, из Восточного дворца и из усадьбы Великой княжны прислали людей, чтобы разузнать о пробуждении отца. Я-то гадал, где искать шпиона, а ты сам себя выдал!

— Что? — Чжаохуай опешил от такой несправедливости.

Цзи И, чья болтовня не умолкала ни на секунду, властно взмахнул рукой:

— Схватить его!

Слуги в нерешительности переглянулись.

Влияние Цзин-вана в поместье было безграничным, а нрав его — непредсказуемым. Все знали: когда у господина случались приступы безумия, из двора Чанфэн тела выносили одно за другим.

И хотя новый Ванфэй был мужчиной, стражники не смели даже коснуться того, кто занимал такое положение.

Цзи И едва не задохнулся от возмущения:

— Никчёмные трусы! Я сам справлюсь!

Шицзы несколько дней брал уроки боевых искусств у самого Цзи Сюня, так что справиться с болезненным и слабым Чу Чжаохуаеом для него не составляло труда.

Видя, что его сейчас схватят за шкуру как котенка, юноша бросился назад:

— Всю ночь я провёл в брачных покоях и не выходил за порог! Твой отец... Ах!

Оправдываясь, он не смотрел под ноги, споткнулся и со всего маху налетел поясницей на острый угол стола. Боль была такой резкой, что глаза мгновенно застлало слезами.

Цзи И испугался и невольно протянул руку, чтобы поддержать его.

Чу Чжаохуай, не выносивший боли, судорожно вцепился в край стола. Превозмогая дурноту, он выдавил сквозь зубы:

— Тёмная стража твоего отца может это подтвердить... Если не веришь, пойди и спроси сам.

Цзи И нахмурился. Он долго смотрел на юношу сверху вниз, а затем произнёс странным, почти невесомым голосом:

— Ты и впрямь Чу Чжаоцзян?

Молодой человек промолчал.

«Чжаохуай, Чжаоцзян... Не всё ли равно?»

Он чувствовал, как внутри всё замирает от страха.

— А если не я, то кто же? Ты, что ли? — грубо бросил он.

Цзи И не сводил с него глаз. Рассматривая лицо, покрытое слоем пудры, он коротко бросил слугам:

— Принесите воды. Окатите его лицо.

Слуга поспешил исполнить приказ.

Пальцы Чу Чжаохуая дрогнули:

— Ты...

Цзи И насмешливо фыркнул:

— Весь город знает, что Чу Чжаоцзян ни во что не ставит окружающих. Если бы ты был им, то даже с перебитыми ногами попытался бы набить мне морду, а не стал бы оправдываться, доказывая свою правоту.

Чжаохуай поднял на него взгляд, о чём-то размышляя.

Спустя мгновение он кивнул и, выпрямившись, медленно закатал широкие рукава.

— Я всё понял, — спокойно произнёс он.

— И что же ты понял?.. — начал было Цзи И, но договорить не успел.

Раздался глухой удар.

Слуга, вбежавший в комнату с тазом воды, от неожиданности выронил ношу. Таз с грохотом упал, залил пол.

Все присутствующие застыли в оцепенении, не в силах осознать случившееся.

Тишину прервал яростный вопль Цзи И:

— Чу! Чжао! Цзян!

Чу Чжаохуай, сохраняя невозмутимость, стоял, опершись на стол.

А ещё мгновение назад заносчивый шицзы теперь распластался на полу, скорчившись от острой боли в животе и обливаясь холодным потом.

Его губы дрожали от гнева. Он смотрел на обидчика с таким потрясением, словно тот совершил нечто невыносимое.

— Ты посмел ударить меня... Ты поднял на меня руку?!

Чу Чжаохуай неспешно опустил рукава и, подражая надменным манерам брата, бросил через плечо:

— Я учился у старого генерала Хуана, а в детстве самолично добыл снежного волка. Сил мне не занимать. Вчера мы с Ванъе сыграли свадьбу, и в такой радостный день я хотел миром уладить наши разногласия, но шицзы сам вынудил меня применить силу. Прошу прощения за грубость.

Цзи И уже не слушал. Оправившись от шока, он взревел:

— Только отец имеет право бить меня! Взять его! Держите крепче! Сегодня я заставлю его молить о пощаде на коленях, или я возьму его фамилию!

Слуги, придя в себя, бросились на Чу Чжаохуая.

Хотя шицзы и не был родным сыном Цзи Сюня, в его жилах текла кровь единственного брата Ванье — Нин-вана. Тот погиб в бою, когда сын был ещё мал. В те смутные времена на маленького наследника не раз покушались, и Цзи Сюнь официально признал мальчика своим сыном.

Цзи И с юных лет прикрывался именем Цзин-вана, творя беззакония, и Цзи Сюнь всегда потакал ему, превратив в пустоголового повесу.

Более того, Ванье был известен своей запредельной приверженностью «своим». Если он узнает, что его сына побили, Чу Чжаохуаю несдобровать.

«И бить нельзя, и не бить нельзя?» — подумал юноша.

Его удар не был проявлением грубой силы — он лишь точно поразил нужную акупунктурную точку. Это вызвало резкую боль, но не нанесло вреда здоровью.

С таким «пустозвоном» его познаний в медицине хватало за глаза, но против дюжих охранников он был бессилен.

Видя, что на него надвигаются слуги, Чу Чжаохуай постарался сохранить ледяное спокойствие:

— Кто из вас посмеет ко мне прикоснуться? Прошлой ночью свершилось наше венчание, мы выпили вина и разделили ложе — я уже человек Ванье. Если с моей головы упадет хоть волосок, никто из вас не уйдет от ответа!

Слуги замерли.

Дурная слава Цзи Сюня была лучшим щитом. Даже не зная, правда ли это, никто не решился рисковать головой.

Цзи И, которого с трудом подняли на ноги, при этих словах едва не рухнул обратно.

— Что?! — выдохнул он. — Выпили... разделили...

В столице даже в делах сердечных чтит приличия — прогулки под луной, стихи, музыка... Шестнадцатилетний юнец был совершенно не готов услышать такие подробности о спальне собственного отца.

— Бесстыдный развратник! — в истерике закричал Цзи И. — Не смей порочить честь моего отца!

Почуввав неладное, Чу Чжаохуай бросился к выходу.

Шицзы, доведённый до белого каления, увидел, что слуги всё ещё колеблются из-за упоминания «человека Ванъе». Он схватил стоящий рядом стул и, забыв о всяком достоинстве, погнался за обидчиком.

— Паршивый пёс! Я сегодня язык тебе вырву, или возьму твою фамилию!

Убегая и путаясь в полах одежды, Чу Чжаохуай не забывал о своём притворстве:

— Моя фамилия — Чу!

— А-а-а! Сдохни!

Чу Чжаохуай выскочил во двор, но уже через пару шагов его ноги, ослабевшие от голода, едва не подкосились.

Разъяренный Цзи И уже настигал его.

Чжаохуай не хотел быть битым. Раз уж он вдоволь надерзил, смыв подозрения в подмене, пришло время проявить гибкость и сдаться.

Но не успел он и слова вымолвить, как бежавший на него мальчишка внезапно замер и в следующее мгновение рухнул ниц в глубоком земном поклоне.

Чу Чжаохуай опешил:

— Зачем же такие церемонии?

Ярость в глазах шицзы мгновенно сменилась чистейшим ужасом. Забыв о вражде, он задрожал всем телом и, прижавшись лбом к земле, пролепетал:

— Отец.

Чу Чжаохуай замер, и по его спине пробежал ледяной холод.

«Отец?»

Значит, это...

Тело юноши одеревенело. Он медленно, сантиметр за сантиметром, обернулся.

Под сенью цветущих слив в кресле-каталке сидел Цзи Сюнь. Неизвестно, как долго он здесь находился. На нём было лишь тонкое тёмное одеяние, подчёркивающее его мощную статью. Слегка склонив голову, он с мягкой улыбкой наблюдал за ними, но шрам на его шее в лучах солнца сверкал, точно лезвие меча, источая незримую угрозу.

Весь двор Чанфэн разом пал на колени.

Сердце Чу Чжаохуая едва не остановилось.

Как долго здесь пробыл Цзин-ван? Кресло его тяжелое, оно должно было шуметь... Почему же он не слышал ни звука?

А самое главное — слышал ли он те безумные слова об интимных подробностях?

Чу Чжаохуай рискнул взглянуть на лицо Цзи Сюня и к своему ужасу обнаружил, что тот улыбается.

«Всё... Конец».

Чу Чжаохуай почувствовал, как горят у него уши. Впервые в присутствии этого человека стыд пересилил страх. Ему хотелось лишь одного — провалиться сквозь землю.

Цзи Сюнь лениво перебирал четки из цветного стекла на запястье.

— В этот час, — ровно произнёс он, — где ты должен находиться?

Цзи И стоял на коленях, выпрямив спину, но холодный пот градом катился по его лицу. Сейчас в нём нельзя было узнать того наглого юнца, что буйствовал минуту назад.

Он глубоко вдохнул, и голос его дрогнул:

— В... в Императорской академии несколько дней назад начались каникулы. Занятия возобновятся лишь пятнадцатого числа первого месяца.

Цзи Сюнь задумался. Верно, пришло время зимнего отдыха.

— Тогда почему ты здесь?

Шицзы трясло от страха. Запинаясь, он выдавил:

— Отвечаю отцу... я... я просто зашёл навестить Чжаоцзяна.

Цзи Сюнь прищурился.

Одного взгляда хватило, чтобы сын понял: дело плохо. Покрывшись испариной, он едва не расплакался:

— Это правда! Мы договорились ещё несколько месяцев назад — в ночь малого Нового года отправиться на озеро Мин! Лян Фан... Лян Фан может подтвердить!

Ванье с едва заметной усмешкой перевёл взгляд на супруга:

— Ванфэй, это так?

Чу Чжаохуай поперхнулся воздухом.

Он понятия не имел, правда это или нет, но, видя, что мальчишка уже готов разрыдаться от ужаса, после недолгого колебания кивнул:

— Да, было такое дело.

Цзи И облегчённо выдохнул.

Цзи Сюнь отвел взгляд и негромко произнёс:

— Он теперь — Цзин-ванфэй...

Цзи И уже приготовился услышать поучение о том, что супруге князя не подобает развлекаться на людях, но отец продолжил:

— ...И тебе не следует забывать о приличиях, называя его по имени.

Сын замер и в полном изумлении вскинул голову:

— Отец?!

Цзи Сюнь лишь мельком взглянул на него.

Стиснув зубы, Цзи И обернулся к Чу Чжаохуаю и со всем возможным почтением произнёс:

— Прошу простить за дерзость, Ванфэй.

Чу Чжаохуай промолчал.

— Возвращайся к себе, — приказал Цзи Сюнь. — Завтра проверю твои успехи в учебе.

Едва успокоившийся шицзы мгновенно побледнел. С видом побитой собаки он отвесил поклон и, едва сдерживая слёзы, поспешил удалиться.

Уходя, он всё же успел метнуть в сторону Чу Чжаохуая исполненный злобы взгляд.

«Ну погоди... В ночь малого Нового года я тебе устрою весёлую жизнь, паршивый пёс!»

Цзи И ушёл со своими слугами, и во дворе Чанфэн остались лишь трое.

Цзи Сюнь медленно поднял веки и посмотрел на Чу Чжаохуая.

Тот, только что побивший сына на глазах у отца, чувствовал, как внутри всё дрожит. Из всех сил сдерживая дрожь в коленях, он сохранил на лице маску безразличия и, напустив на себя как можно более невозмутимый вид, отвесил поклон:

— Отец.

Цзи Сюнь хранил молчание.

Чу Чжаохуай тоже не проронил ни слова.

«Верните Цзи И... Пусть он всё-таки вырвет мне язык».

<http://bllate.org/book/15341/1372766>